

ПРОЛОГ

Никогда мне не везло в канун Нового года. Начиная с того, что именно в это время я умудрился родиться; ровно через год после этого потерял отца; два года назад схоронил мать, а сегодня вечером в полнейшей прострации вышел из гематологического центра, с бессильной злостью сжимая в кулаке медицинское заключение.

— Олег, мне очень жаль, — буквально полчаса назад сказал врач, протягивая бумажку с диагнозом. — От мамы тебе достался дефектный ген, приведший к такому же заболеванию, как у нее. Но это еще не приговор. Тебе всего двадцать три. А в нашем арсенале существует немало препаратов, которые с определенной вероятностью даже твой лейкоз¹ уведут в ремиссию...

Угу. Как же. Мать в свое время взяла кредит на дорогостоящее обследование в столичных клиниках, переехала сюда и несколько месяцев жила на съемной квартире в надежде, что суперпрепараты продлят ей жизнь. Хотя бы до того дня, пока я не окончу универ и не найду постоянную работу. Но увы. Не дожила. И я, походу, не доживу. Потому что сегодня тридцать первое декабря. Потому что поликлиника уже закрывается, а место в стационаре появится только после праздников.

¹ Лейкоз — злокачественное заболевание крови (здесь и далее прим. авт.).

Нет, они не откажут и не отправят меня на лечение в район по месту жительства. Но ожидание сроком в две недели при наличии тридцати процентов бластов¹ в крови — это действительно хреновая перспектива.

Я знаю. Я через все это уже проходил, пока мотался с матерью по больницам. И про лекарства все, что мог, давно выяснил. Только верить в них перестал, ведь, несмотря на хорошую статистику, маме они не помогли. А у меня такой же ген. Значит, и болезнь скорее всего будет протекать точно так же.

Но тогда, получается, все? Я списан? Столько мучений ради повышенной стипендии, ночные подработки, незавершенная дипломка... все это было зря?

Я скрипнул зубами, записывая бумагу в карман, и, одернув куртку, двинулся прочь.

Думать ни о чем не хотелось. Поднявшийся ветер яростно рвал и без того взъерошенные волосы, стегал по лицу колючими снежинками и постоянно норовил забраться под одежду. В такую холодрыгу, будучи в расстегнутой куртке и без шапки, я регулярно ловил на себе неодобрительные взгляды прохожих, но какой смысл бояться простуды, когда со мной и так все уже ясно?

Единственное, что во всем этом было хорошего, это то, что кредит до конца отдавать не придется. И по наследству он больше ни к кому не перейдет, потому что ближайших родственников у меня не осталось.

Свернув с ярко освещенной улицы в парк, я поморщился от очередного порыва ветра и ускорил шаг. Так, напрямик, в темноте и по сугробам, до общаги можно добраться гораздо быстрее, чем огибая парк по дуге. Правда,

¹ *Бласты* — незрелые клетки костного мозга, количество которых резко увеличивается при острых лейкозах. При этом из-за генетического дефекта в них нарушается процесс созревания, поэтому бластные клетки продолжают интенсивно делиться, вытесняя из костного мозга нормальные клетки крови.

торопиться было как раз некуда. В общежитии меня никто не ждал. А как только отгремят праздничные салюты, я, наверное, все-таки съезжу домой, чтобы решить вопрос с оставшимся после мамы жильем и квартирантами, за счет которых удавалось худо-бедно расплачиваться по кредиту. Заодно все трезво обдумаю, посчитаю. А там будет ясно, имеет ли смысл соглашаться на химиотерапию.

— Молодой человек! — вдруг окликнул меня незнакомый голос.

Я обернулся и с недоверием воззрелся на вышедшего из-за дерева мужика. Лет тридцати пяти. Высокий, смазливый и холеный донельзя брюнет, одетый так, словно только что с тематической вечеринки явился — в старомодном черном камзоле с дурацкими кружавчиками, в зауженных брюках и с самым настоящим цилиндром на голове, из-под которого на худые плечи спускались тщательно завитые патлы.

— Случайно, не вы обронули? — поинтересовался этот тип, махнув рукой с зажатой между пальцами бумажкой.

И я нахмурился, безошибочно опознав на ней печать гематологического центра с корявой подписью мамино — а теперь, получается, и моего — лечащего врача.

Блин. Когда только успел выронить?

Мужик тем временем развернул мятое заключение и, прочитав диагноз, цокнул языком:

— Олег Каменев? М-да... Не повезло тебе, парень.

— Вам-то какое дело?

— Да в общем-то никакого... за исключением того, что я мог бы тебе помочь.

Я не удержался и саркастически хмыкнул:

— На профессора-гематолога из НИИ с мировым именем вы, прямо скажем, не тянете. Или вы из этих... как их... экстрасенсов? Хотите продать волшебную травку от всех болезней или предложить новый бесконтактный метод лечения в надежде урвать бабла от того, кому больше не на что надеяться?

— Ни то ни другое, — спокойно отозвался мужик и, удив откуда-то из-за спины старомодную трость, скрестил на набалдашнике ладони. Набалдашник, кстати, был сделан в виде оскаленной пасти какого-то страховидла. Но что за зверь, я не разглядел. — Ты и без меня прекрасно знаешь, что болезнь неизлечима и развивается слишком быстро для того оптимистичного прогноза, который дал тебе врач. Всего пара месяцев как появились первые симптомы, и вот ты уже «счастливый» обладатель огромного количества бластных клеток в крови... у твоей матери, кажется, лейкоз прогрессировал так же быстро?

У меня пересохло в горле.

— Откуда вы знаете?

— А есть разница? — улыбнулся гость, бесшумно двинувшись в мою сторону. — Гораздо важнее то, что жить тебе осталось года полтора-два. На лечении. И месяцев семь в случае, если ты откажешься от химиотерапии. Но есть, скажем так, альтернативные пути. И один из них я готов тебе предложить.

Я машинально отметил, что следов за мужиком не оставалось, снег под его сапогами не скрипел, да и тени брюнет не отбрасывал. Но страха не было. После разговора с врачом я чувствовал себя настолько опустошенным, что не только не послал этого подозрительного товарища на хрен, но и хрипло спросил:

— Что за путь?

— Экспериментальный, — оценивающе прищурился брюнет, шагнув на заметную снегом тропинку. — Сложный. С твоей точки зрения, наверное, даже сомнительный. А если уж быть совсем точным, то я собираюсь забрать у тебя душу.

Хм. Раньше, услышав такое, я бы, наверное, заржал, покрутил пальцем у виска и пошел себе дальше, но сейчас у меня из груди вырвался всего лишь горький смешок.

— Вы что, дьявол?

— В моем мире нет такого понятия. — Мужик чуть наклонился и взглянул на меня сверху вниз. — Но

даже если бы оно существовало, то сам факт того, что я могу забирать человеческие души, не делает меня вселенским злом. Это просто работа. А ты всего лишь очередной клиент. Такое объяснение тебя устроит?

Я вздрогнул, обнаружив, что на месте глаз у мужика зияют два черных провала, в которых, как в зеркале, отражаются звезды. Хотя нет. Небо-то сегодня пасмурное, звезд не видно. Так что это не наши звезды, а, наверное, его собственные. Или же они порождение того места, откуда он явился?

Тем не менее ни удивления, ни беспокойства я по-прежнему не ощущал. Видимо, здорово меня новости от гематолога приплющили. До сих пор вон душевая анестезия, итить ее за ногу, работает.

— Ладно, допустим, — кашлянул я, убедившись, что насчет мужика мне не померещилось. — Хочу только спросить: это всегда так? Вы приходите из ниоткуда, забираете кого хотите, и на этом все благополучно заканчивается? Никакого круговорота душ в природе, ада ирая, Бога и дьявола? Есть только вы, и... все?

— В моем мире — да. А в этом люди сильно все усложнили, поэтому я должен спросить у тебя разрешения.

— Разве оно на что-то влияет?

— Таковы правила: из чужого мира душу можно забрать лишь в том случае, если она сама этого захочет, — спокойно ответил мужик. — Если ты согласишься, то будешь жить. Молодым и здоровым, как раньше. Мир, в который я тебя заберу, во многом похож на Землю. Правда, законы природы там несколько отличаются от того, к чему ты привык, да и цивилизация развивалась по иному пути. Однако вряд ли это станет проблемой. Тело я тебе подобрал достойное, трудностей с привыканием возникнуть не должно. Хотя ты, наверное, гадаешь, почему я явился именно за тобой, а, скажем, не за людьми, которые вышли из онкоцентра полчасом раньше или позже? — продолжил этот тип,

Ответ прост: ты молод, неглуп, обречен на скорую смерть и был бы не прочь начать все сначала. Такие, как я, умеют считывать эмоции, не удивляйся, — добавил он, когда я недоверчиво прищурился. — Это одно из свойств того, кого в вашем мире называют сборщиком... или собирателем душ. Так вот, из всех возможных претендентов твои душевные качества мне показались наиболее подходящими. В остальном ограничений нет. Ты волен сам выбрать, кем станешь в новом мире. Я всего лишь предлагаю шанс, который не смогли дать ваши земные доктора.

Я окинул незнакомца скептическим взглядом:

— Больно складно все получается... вам-то это зачем? И сколько мне это будет стоить?

— Цена стандартная — бессмертная душа в мое полное распоряжение сроком на целую вечность... Шучу, — усмехнулся тип, когда у меня снова дернулась щека. — Душами мы не торгуем, а рабства в том мире не существует. Но Ирнелл кое-что мне задолжал, и теперь я хочу восстановить равновесие. Поскольку сделать это в одиночку проблематично, то мне нужен помощник. Наблюдатель, если угодно. Мои глаза, уши и голос в чужом для тебя мире. Это и есть цена твоего воскрешения.

Я с сомнением покосился на протянутую ладонь.

В сказки верить меня давно отучили, в волшебство и в бескорыстно оказанную помощь — тем более. Да и каких только чудиков по улицам не болтается? Ролевики, любители всевозможных квестов, включая такие, где надо поймать на улице первого встречного и убедить его, что ты не несешь полный бред. В последнее время ввиду скудости бюджета даже психов стали отпускать из больниц за примерное поведение. А этот мужик в старомодном костюме и впрямь был до крайности странным.

С другой стороны, если окажется, что он всего лишь чокнутый, то хуже мне по-любому не станет. А если он не врет, то чего тогда терять? Невыплаченный кредит? Диплом, который никому не пригодится? Близ-

ких у меня не осталось. Друзей, таких, чтоб за ними в огонь и в воду, я тоже не нашёл. Постоянной девушкой обзавестись не успел. Все мои планы на будущее рухнули, так что по большому счёту мне не за что больше цепляться.

А! Гори оно все синим пламенем!

— Можешь звать меня Шэд, — снова улыбнулся мужик, когда я шагнул вперед и крепко пожал протянутую руку. — С днем рождения, Олег. Надеюсь, в новом мире оно будет не таким болезненным, как в этом.

ГЛАВА 1

Следующее, что я помню, это крик — громкий, неистовый, невесть откуда взявшийся многоголосый крик, в котором без труда можно было распознать боль и отчаяние. Он, правда, на человеческий не походил, но после мгновения оглушающей, прямо-таки мертвой тишины, которая осталась во мне еще с прошлой жизни, этот звук показался настолько громким, что я непроизвольно шарахнулся и, со всей дури ударившись затылком обо что-то твердое, рухнул на пол.

Твою ж тещу...

Почти одновременно с этим неподалеку раздался взрыв. По глазам, прямо сквозь невесть откуда взявшийся дым, ударила яркая вспышка. Ноздрей коснулся едкий запах дыма. А затем сквозь вой и рев невидимого зверья донесся треск сгорающей древесины, грохот ломающихся перекрытий и яростное гудение пламени, от которого у меня волосы на загривке встали дыбом.

Поспешно вскочив, я попытался открыть слезящиеся глаза, но не удержался на разъезжающихся ногах и грохнулся снова, проклиная собственную неуклюжесть. Хотел было выругаться, но вместо слов наружу вырвался лишь нечленораздельный хрип. Попытка подняться в третий раз все-таки увенчалась успехом, но прежде, чем я сообразил, что вполне комфортно чувствую себя на четвереньках, на мою спину без предупреждения рухнуло

что-то тяжелое, отчего я сдавленно охнул и в очередной раз распластался на полу.

Да что за нафиг...

Отчаянно не желая умирать в стремительно набирающем силу пожаре, я рванулся вперед, слепо шаря руками по деревянному полу. Затем все же впился в него ногтями, напрягся, взревел. И, почувствовав, как что-то со свистом пролетело над головой, буквально выдернул себя из-под тяжелой железной фиговины, оказавшейся самой обычной балкой, которая лишь чудом не перешибла мне позвоночник.

О том, что вообще произошло, какого хрена я тут делаю и откуда взялся огонь, я додумывал уже на ходу, не испытывая ни малейшего стыда за то, что ползу на четвереньках и столь негероическим способом покидаю поле боя. Рук и ног я почти не чувствовал. Перед глазами все плыло. Поэтому я полз вперед на ощупь, как контуженный инвалид, со всей доступной скоростью переставляя одеревеневшие конечности. От слабости меня мотало из стороны в сторону. Я несколько раз падал. Хрипло рычал и снова поднимался. Будучи неспособным ориентироваться в густом дыму, понимал только то, что нахожусь в довольно большом помещении, заставленном железными клетками, в которых мечутся обезумевшие от страха, невидимые в дыму звери.

Зверье было жалко. В пожаре они или задохнутся от дыма, или же сгорят заживо. Но я при всем желании не мог им помочь. Самому бы уцелеть...

Черт. В какой стороне тут выход?!

В очередной раз впечатавшись мордой в какой-то шкаф, с которого вниз со звоном посыпалось что-то стеклянное и хрупкое, я чувствительно ушиб нос и дернулся налево. Но вовремя уловил подозрительное движение и тут же отпрянул, в последний момент ввинтившись между накренившимся шкафом и стеной. Услышав новый грохот, которому вторила очередная огненная вспышка, непроизвольно припал к полу, сжимаясь в комок. А как только впереди польхнуло во второй раз, стартанул с места в ка-

рьер и, мысленно костеря свое невезение, рванул прочь. Ища хотя бы проблеск, хоть один спасительный проход, через который можно было выбраться из этого ада.

Наконец впереди действительно мелькнул просвет, и я, полуослепший, задыхающийся и почти оглохший от чужих воплей, со всех ног помчался в ту сторону. А еще через несколько ударов бухающего в ушах сердца проломил собой хлипкую стену из наваленных друг на друга деревянных ящичков и буквально вывалился в узкий коридор, до которого еще не успел добраться огонь.

Всего мгновение на то, чтобы перевести дух. Одна-единственная секунда, чтобы разлепить спекшиеся от жара веки и торопливо оглядеться.

Серые каменные стены, стальные крепления по бокам, смутно похожие на подставки для факелов, удручающе низкий потолок и покрытый жирными хлопьями пепла пол, на котором совершенно естественно смотрелись покрытые темно-серой чешуей когтистые лапы...

Точнее, МОИ лапы. Самые обычные, довольно большие и смутно напоминающие кошачьи. Когда я их увидел, в каменном мешке сперва стало подозрительно тихо, а потом между стенами с удвоенной силой заметался хриплый звериный рык, ознаменовав собой крайнюю степень непонимания и раздражения, вызванных неожиданным открытием.

ДА ЧТО, Я ВАС СПРАШИВАЮ, ЗА НАФИГ?!

Кто это?! Что это вообще такое?! И в какое, дьявол его раздери, тело этот смазливый кретин запихнул мою бесмертную, сука, душу?!

Впрочем, о Шэде, или как там его зовут, думать было некогда. Сперва надо ноги, то есть лапы отсюда унести, а уже потом искать ответы на вопросы.

Тряхнув башкой, я с досадой щелкнул пастью, в которой ощущался целый комплект подозрительно длинных зубов, и, издав еще один негодующий рык, рванул прочь от обреченного помещения. Туда, где в этот

момент еще больше посветлело и где, как мне показалось, мелькнуло нечто похожее на дверь.

До конца коридора я добрался всего за три громадных прыжка, действуя больше по наитию, чем следуя какому-то плану. Тело неожиданно заработало само, четко и быстро, как отлично налаженный механизм. Лапы умело пружинили во время бега, когти без усилий вгрызались в камень. Внезапно обнаружившийся гибкий и на удивление длинный хвост помогал сохранять равновесие. Тогда как я незаметно для себя превратился из водителя экстремально быстрого авто в пассажира, которого очень своевременно отстранил от управления автопилот.

Ощущения, надо признать, были двойственными, но вмешиваться в процесс я не рискнул. Тело было чужим, странным донельзя, да еще и со смещенным центром тяжести, так что за руль лучше было не хвататься. А то занесет на повороте, как идиота на гоночном болиде, и привет, костей потом не соберешь.

В глазах при этом внезапно начало двоиться. Я видел то заполненный дымом коридор, то сизые клубы вдруг исчезали, цвета блекли, зато четкость изображения становилась такой, словно у меня в башке включался прибор ночного видения. От этой двойственности с непривычки замутило. Картинки менялись так быстро, что было невозможно уследить, в какой момент одна переходит в другую. Правда, по пути я все же успел рассмотреть натянутые в коридоре на разных уровнях ярко-алые нити, больше похожие на лучи лазера. Что это такое, не понял, но «автопилот» не захотел с ними связываться, и я не стал возражать, когда тело само поднырнуло под подозрительные штуки, постаравшись не задеть их ни единой чешуйкой.

Что же касается двери, то она действительно нашлась. Большая, деревянная, но какая-то старомодная и окованная металлическими полосами, словно в средневековом замке. Последний факт меня насторожил, но перехватить управление я не успел, поэтому со всего маху вре-